

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ГОРДЕЕВ

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Российского государственного педагогического университета имени
А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
E-mail: petergordeev@mail.ru*

Статья посвящена судьбе Филиппа Петровича Купчинского – российского журналиста, участника многих исторических событий начала XX века. Установлена дата рождения Ф.П. Купчинского, прослежен его жизненный путь в дореволюционной России. Особое внимание уделено периоду марта – апреля 1917 г., когда Купчинский состоял уполномоченным сначала ВКГД, а затем и Временного правительства по делам Придворной конюшенной части и Гаража его величества. В статье использованы ранее неизвестные архивные источники.

Ключевые слова: Ф.П. Купчинский, ВКГД, Временное правительство, Придворная конюшенная часть, Гараж его величества

Ф.П. Купчинский – уполномоченный Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества

Филиппа Петровича Купчинского можно отнести к числу наиболее загадочных фигур российской революции. Известна его роль в качестве уполномоченного по делам бывшей Придворной конюшенной части в зловещей истории эксгумации, перевозки в Петроград и сожжения трупа Г.Е. Распутина – об этом писал и сам Купчинский¹. Данный сюжет привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей². В то же время остальные аспекты его деятельности в конюшенном ведомстве, равно как и ее хронологические рамки, остаются весьма мало изученными. Цель нашей работы – восполнение этого пробела; при этом «распутинскую» историю, как относительно хорошо исследованную, мы оставим «за скобками» данной статьи.

Придворная конюшенная часть (далее в тексте – ПКЧ) была одним из старейших подразделений Императорского двора; ее история восходила к Конюшенному приказу, возникшему при дворе Ивана Грозного³. Основными подразделениями ПКЧ в предреволюционное время были: Канцелярия, Верховое отделение, Отделение русской упряжи и Отделение шорной упряжи⁴. Возглавлял ПКЧ с 1897 года обер-штальмейстер, генерал-адъютант, генерал от кавалерии Артур Александрович фон Гринвальд⁵. В 1912 г. управляющему ПКЧ был подчинен и «Собственный его императорского величества гараж»⁶ – новое

придворное учреждение, возникшее уже в царствование Николая II⁷. Общая численность служащих ПКЧ (без Гаража) достигала в 1917 г. почти 600 человек⁸. В смете Министерства императорского двора (далее в тексте – МИДв) на 1917 год на содержание ПКЧ (без Гаража) было ассигновано 1 242 180 руб. (против 1 064 195 руб., отпущенных в 1916 г.)⁹. Отдельной строкой в бюджете МИДв было прописано содержание Собственного его императорского величества гаража – на что в 1917 г. (как и в 1916 г.) планировалось израсходовать 120 000 руб.¹⁰

Февральская революция перевернула жизнь конюшенного ведомства вверх дном. ПКЧ стала, по-видимому, единственным подразделением МИДв, где во время переворота (а точнее, 28 февраля) произошло убийство служащего – заведующего хозяйством ПКЧ гвардейского полковника А.А. Шильдкнехта¹¹. Низшие служащие ПКЧ довольно быстро радикализировались и уже весной 1917 г. стали выносить резолюции с требованием отстранить от службы неугодных им начальников¹²; что же касается последних, то они были глубоко деморализованы свершившимися событиями. Писательница С.И. Смирнова-Сазонова, автор известного дневника, записала 9 марта о беседе с гвардии штабс-ротмистром А.В. Давыдовым¹³, служившим в ПКЧ: «Он вчера приехал с фронта. Явился к Палеологу¹⁴, спрашивает, зачем его вызвали, что он будет здесь делать. Тот совсем подавленный, сказал, что сейчас остается только одно – выждать.

– Да черт их возьми совсем! – крикнул Давыдов. Чтобы я стал подавать карету Милюкову!? Я подам карету царю, а не этим думск[им] господам»¹⁵.

В такой обстановке и развернулась в марте 1917 г. деятельность героя нашей статьи. Но здесь нам придется несколько отойти в сторону, чтобы подробнее познакомиться с личностью Ф.П. Купчинского.

Приступая к исследованию основных вех его биографии, приходится констатировать, что изучена она крайне мало. Никто из упомянутых нами исследователей, писавших о деятельности Купчинского в 1917 г., не привел ни единого факта из его жизни в период до 1904 г., когда он оказался в Порт-Артуре и приобрел своими корреспонденциями оттуда определенную известность. По просторам Интернета гуляет, впрочем, небольшая биографическая справка о Ф.П. Купчинском, содержащая в себе и дату рождения: 1844 год¹⁶. Но откуда взялась эта более чем странная дата (согласно которой о жизни Купчинского ничего не известно вплоть до 60 лет, а думским комиссаром он становится в 73-летнем возрасте, когда уже как-то несолидно перегонять Гараж Его Величества из Царского в Петроград и, тем более, заниматься трупосождением)?

Рискнем предположить, что здесь повинны филологи, а точнее – толстоведы. Тут нам придется немного отойти в сторону и рассказать

об истории взаимоотношений Ф.П. Купчинского с Л.Н. Толстым. Их знакомство завязалось не позднее 1908 г.: 31 августа (12 сентября по новому стилю) этого года Купчинский отправил из Лозанны письмо Толстому, в котором просил написать предисловие к подготовленной им, на основании своего опыта военного корреспондента во время Русско-японской войны, пацифистской книге «Проклятие войны». Писатель, прочитав письмо Купчинского, продиктовал своему секретарю Н.Н. Гусеву ответ: «Попросить прислать, хотя предупредить, что я и по слабости, и по старости, и по большой занятости...»¹⁷. В итоге книгу Ф.П. Купчинского, уже изданную, Толстой получил спустя два года. В письме к Купчинскому от 19–20 сентября 1910 г. он одобрительно отозвался о «Проклятии войны», но указал и на слабые места этого произведения: «книга ваша настолько хороша и важна по своему содержанию, что я не должен умалчивать перед вами о тех недостатках, которые, по моему мнению, могут ослабить ее действие на читателей. Недостатки я вижу в преувеличенности описаний ужасов войны, в описаниях этих луж крови, гор трупов, хождения по ним, разрывания друг друга зубами и т. п. Такая преувеличенность, высказывая намерения автора, подрывает доверие читателей и ослабляет впечатление. Книга много выиграла бы, если бы было исключено из нее все преувеличенное, а также и описания природы, и в некоторых местах даже и описание чувств, испытываемых разными людьми»¹⁸. Отметим, что указанные здесь Толстым черты (склонность к преувеличениям, использованию ярких, хлестких образов и др.) свойственны и другим литературным и публицистическим произведениям Купчинского.

Ф.П. Купчинский один раз навестил Л.Н. Толстого лично: 6 февраля 1909 г. он приехал в Ясную Поляну в качестве корреспондента московской газеты «Жизнь» с целью убедить Толстого написать статью против смертной казни¹⁹. В этот его приезд секретарь писателя Н.Н. Гусев зафиксировал в дневнике: «Сегодня приезжал живущий за границей литератор К[упчинский]»²⁰. Отсюда, по-видимому, и пошло упоминание о том, что Ф.П. Купчинский «жил за границей»²¹ – справедливое как минимум для периода 1908–1909 гг. (так, например, вскоре после личного приезда Купчинский шлет Толстому 2 марта (н. ст.) 1909 г. письмо из Парижа²²), но нуждающееся в уточнении в качестве общей характеристики жизни Купчинского. По-видимому, именно толстоведами была впервые названа неверная дата рождения Филиппа Петровича – 1844 г. (кажется, впервые она упоминается в комментариях к дневнику Д.П. Маковицкого, составленных А.М. Малаховой при участии А.С. Усачевой²³, а оттуда уже попадает и в другие издания²⁴). Предположение о том, откуда взялась такая ошибка, будет высказано ниже.

Анонимный автор цитированной выше статьи о Купчинском в

Интернет-энциклопедии «Традиция» отметил про своего героя: «Происхождение неизвестно»²⁵. Нам, однако, при помощи материалов фонда 1343 (Департамент герольдии Сената) РГИА, работы Г.А. Милорадовича, посвященной генеалогии черниговского дворянства, а также ряда дореволюционных справочников и памятных книжек, удалось воссоздать родословную Филиппа Петровича вплоть до начала XVIII века. Самый дальний из обнаруженных его предков (прапрапрапрадед), живший в начале XVIII столетия «малороссийский шляхтич» Федор Купчинский «был сотник Нежинского полку Шаповаловской сотне»; его сын, Василий Федорович, имел чин «войскового товарища» (в архивном деле сохранилась ссылка на универсал Генеральной войсковой канцелярии от 9 марта 1745 г., давший В.Ф. Купчинскому этот чин). «Войсковым товарищем» был и сын Василия, Иосиф Васильевич Купчинский. Вдова последнего, Марфа Купчинская, добилась в 1784 г. определения Черниговской дворянской комиссии о внесении рода Купчинских в дворянскую родословную книгу Черниговской губернии²⁶.

Сын Иосифа Васильевича и Марфы, Петр Иосифович Купчинский родился около 1773–1775 гг. (в указе 1802 г. ему было показано 29 лет, в аттестате 1813 г. — 38 лет²⁷), скончался между 1824 г. (год рождения последнего ребенка — дочери Елизаветы) и 1832 г. (когда в одном из документов он уже упоминается как умерший)²⁸. С 1789 г. был в военной службе, участвовал в подавлении восстания Костюшко и даже попал в плен к полякам; в 1802 — 1812 гг. был в отставке; во время Отечественной войны вновь вернулся в строй, участвовал также и в Заграничном походе русской армии²⁹. У П.И. Купчинского и его жены Мавры было 2 дочери (Варвара и Елисавета) и 6 сыновей (Иосиф, Федор, Петр, Филипп, Егор, Николай)³⁰.

Один из них — Филипп Петрович Купчинский — полный тезка и дедушка героя настоящей статьи. Он родился 21 ноября 1818 г.³¹, окончил курс наук в Полтавской гимназии, в 1839–1844 гг. учился на медицинском факультете Харьковского университета, после окончания которого был определен врачом в г. Глазов Вятской губернии³². Затем (с 1851 г.) служил старшим лекарем на Илецком соляном промысле³³, с 1864 — и. д. Губернского инспектора Врачебного отделения Витебского губернского правления (в 1880 г. переведен на аналогичную должность в Ковенскую губернию³⁴).

Рискнем предположить, что именно дедушка нашего героя «повинен» в возникновении неверной даты его рождения (1844 г.). Из года в год его фамилия публиковалась в целом ряде официальных справочников, в том числе — в «Российском медицинском списке» (после 1889 г. по ошибке его фамилия писалась как «Кунчинский»), а рядом с фамилией приводился год окончания учебного заведения — 1844 (после 1889 г. указывались две последние цифры года рождения, а затем две

последние цифры года окончания учебного заведения, что в случае Ф.П. Купчинского опять-таки давало цифру 1844)³⁵. Возможно, полное совпадение имени, отчества и фамилии навело одного из исследователей (А.М. Малахову?) на мысль о тождестве Купчинского-врача и Купчинского-литератора, а дата окончания учебы была ошибочно принята за год рождения. Впрочем, есть и другое возможное объяснение создавшейся путаницы – Ф.П. Купчинского могли перепутать с его однофамильцем, писателем и драматургом Иваном Александровичем Купчинским, родившемся в 1844 г. (скончался в 1917 г.)³⁶.

У Филиппа Петровича Купчинского³⁷ и его жены Елены Николаевны (урожденной Лазаревой) было двое сыновей: Николай (род. 27 мая 1849 г.) и Петр (род. 27 декабря 1850 г.)³⁸. О Николае Филипповиче Купчинском исследователь истории черниговского дворянства Г.А. Милорадович в своем труде, изданном в 1901 г., приводит такую информацию: «инженер, статский советник»³⁹. Отметим также, что Н.Ф. должность председателя Минского окружного суда, которую он занимал вплоть до 1906 г. (был уволен по собственному прошению, достигнув, как и его отец, чина действительного статского советника)⁴⁵. После отставки (причиной ее, возможно, было неумение приспособиться к новым реалиям, порожденным первой российской революцией), П.Ф. Купчинский перебрался в столицу: во «Всемирном Петербурге на 1907 год» указан его адрес: Преображенская ул., д. 30⁴⁶. Он упоминается в справочниках «Весь Петербург» вплоть до 1916 года⁴⁷. Дальнейшую его судьбу выяснить пока не удалось.

У Петра Филипповича Купчинского и его жены Клеопатры Николаевны (в девичестве Андриевич, по первому мужу Маврицкой) было две дочери – Вера (род. 15 февраля 1880 г.) и Елена⁴⁸ (род. 15 августа 1882 г.) и двое сыновей: Николай (1884 г. р.) и первенец Филипп, родившийся 27 апреля 1881 года, – главное действующее лицо настоящей статьи⁴⁹.

Значительным подспорьем в изучении раннего периода биографии Ф.П. Купчинского стало обнаружение его студенческого личного дела, хранящегося в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга⁵⁰. Из материалов этого дела следует, что Купчинский родился в Москве и был крещен в Крестовоздвиженской, что на Пометном (ныне – Чистом) вражке, церкви⁵¹. В 1898–1902 гг. он обучался в Кронштадтской мужской гимназии, причем не блестяще – на выпускном испытании «пятерку» получил только по Закону Божьему, «четверку» – по французскому языку, остальные предметы сдал на тройки⁵². В 1902–1904 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета; 4 февраля 1904 г. получил, по собственному прошению, «увольнительное свидетельство» от университета⁵³. Надо полагать, что подача прошения была вызвана желанием Купчинского

отправиться на войну с Японией. По-видимому, после возвращения из японского плена (см. об этом ниже) Филипп Петрович возобновил уче- нье, так как окончательно он был уволен из числа студентов решением Правления университета от 30 сентября 1908 г. «как не внесший плату с осени 1906 г.»⁵⁴

В 1902 г. 21-летний студент-первокурсник Купчинский заявляет о себе как о поэте и писателе – в Петербурге выходит в свет сборник его стихов и прозы. Книга была посвящена памяти умершей матери Филиппа Петровича, которой также был адресован целый ряд стихотворений⁵⁵. Эти ранние стихи Купчинского, на наш взгляд, небесталанны, хотя они и носили, конечно, во многом подражательный ха- рактер. Большое влияние на начинающего поэта оказало творчество С.Я. Надсона⁵⁶ и М.Ю. Лермонтова (строки которого «Пускай толпа растопчет мой венец; // Венец певца, венец терновый!..» были взяты Ф.П. Купчинским в качестве эпиграфа к книге⁵⁷). Впрочем, в книге заметно и существенное различие между автором и его литературными предшественниками – в отличие от Лермонтова и Надсона, сын действительного статского советника, потомственный черниговский дворянин Ф.П. Купчинский в своих ранних стихах был практически полностью аполитичен. Темы его творчества – любовь и смерть, природа и искусство, но никак не общественная борьба. Лишь во второй, прозаической, части сборника автор затрагивает эту тему, причем с довольно неожиданной для будущего революционного комиссара сто- роны.

Одно из многих эссе, составляющих эту часть, посвящено В.В. Ярмон- кину⁵⁸, личности во многом примечательной. Член старейшей черносотен- ной организации «Русское Собрание» (и редактор его «Вестника»)⁵⁹, фельетонист «Русского знамени»⁶⁰ (печатного органа «Союза русского народа»), В.В. Ярмонкин был видным участником правого движения задолго до литературного дебюта Ф.П. Купчинского. Так, например, в изданной в 1894 г. работе «Еврейский вопрос» В.В. Ярмонкин предла- гал «отменить ныне действующий закон, по которому все евреи – куп- цы 1-й гильдии имеют право повсеместного жительства в России», а также «предложить всем евреям, как живущим в Царстве Польском, так и внутри России, обратиться к земледельческому, ремесленному и фабричному труду, для чего и назначить пятилетний срок». Те же, кто в течение этого срока к данным видам деятельности не обратится, «дол- жны быть переселены как из Царства Польского, так и из других губерний России, в какую-либо особо отведенную им местность, хотя бы в одну из отдаленных губерний Сибири»⁶¹. В шестом письме из сборника «Письма идеалиста» (который и привлек внимание Купчинского) Ярмонкин, будучи апологетом дворянства, обосновывал сословную сегрегацию в образовании⁶².

Однако, наибольший интерес в данном сборнике представляют письма 10-е, 11-е и 12-е, посвященные критике личности, творчества и нравственного учения Л.Н. Толстого⁶³. В последнем письме Ярмонкин, сообщая читателям, что летом 1901 г. он в своем имении «Чирково» в Самарской губернии специально прочел все сочинения Толстого, делился впечатлениями: «Всего прочтено было мною за это время свыше 15 000 страниц. Никогда я в своей жизни не чувствовал такой головной тяжести, такого угнетенного настроения духа, такого сумбура, какие я ощущал при этом непрерывном чтении произведений Л.Н. Толстого. Ни одной новой не только мысли, но и мыслишки я не уловил в этом громадном количестве печатных страниц. Полное отсутствие логики и подчас простого здравого смысла, дикое выворачивание шиворот на выворот давным давно всеми признанных истин, непрерывные потуги к отрицанию, доходящие до нелепости и болезненности, – все это вместе подействовало на меня удручающим образом»⁶⁴.

В каких же словах отзывался о В.В. Ярмонкине, (безусловно, человеку крайне правых взглядов) молодой Ф.П. Купчинский?

А вот в таких: «Передо мной лежат «письма идеалиста» Валентина Васильевича Ярмонкина; какое бесконечно отрадное явление в нашей выродившейся безличной литературе выход в свет этих писем»⁶⁵. Далее при личном знакомстве с автором «Писем идеалиста» («Валентин Васильевич говорил мне сам...»⁶⁶) Ф.П. Купчинский благодарит его за «восстановление» поруганных Л.Н. Толстым идеалов. Поскольку этот фрагмент эссе особенно интересен в связи с последующими взаимоотношениями Купчинского и Толстого, приведем из него обширную цитату: «Меня столько времени смущали, вводили в невыносимый духовный разлад учения Льва Толстого, его критика нашей жизни, нашей веры; она возмущала дух мой, эта критика, такая циничная, грубая, смелая, но такая талантливая <...> Никому не говорил я, что считаю лжецом и злым возмутителем того, который написал «Войну и мир», «Анну Каренину», хотя всегда замечал, что и Пьер Безухов и Левин (в ком себя, конечно, стремился изобразить автор) не имеют под ногами своими твердой почвы, часто безличны, часто дико материалистичны в своих мечтах и поступках... Я никому не говорил, что мучают и преследуют меня думы о нем, о его непонятной разноголосице, не говорил исключительно из уважения и благоговения перед автором, который заставлял проливать меня некогда слезы за мыслями своими!..

Теперь все стало ясно и определено; туман и мучения духовного разлада рассеялись; я верю в будущее идеалов, поруганных им, поруганных в угоду времени для большей славы своей, чтобы окружить себя большим ореолом непонятого всеотрицания...»⁶⁷. Таким образом, только еще вступающий в жизнь 21-летний Купчинский был достаточ-

но консервативным и религиозным юношей⁶⁸, далеким от того активного участника революции, которым он явится на исторической сцене несколько лет спустя. Возможно, в формировании правого мировоззрения у молодого Филиппа сыграл роль его дядя Николай Филиппович, бывший, как уже говорилось, убежденным русским националистом.

Не позднее весны 1904 г. молодой Ф.П. Купчинский вступает на литературное поприще в качестве корреспондента основанной в конце 1903 г. А.А. Сувориным газеты «Русь». Первые появившиеся в газете материалы, которые можно с большой долей уверенности приписать Ф.П. Купчинскому (судя по сходству псевдонимов, которыми они были подписаны, с инициалами Купчинского), относятся к марту 1904 г. и связаны с поездкой нашего героя как корреспондента «Руси» на Дальний Восток, где разворачивались события Русско-японской войны⁶⁹.

Война с Японией стала переломным моментом в жизни Ф.П. Купчинского, сделавшего его из романтического, патриотично настроенного молодого человека критиком правительства и генералитета. О пребывании в Порт-Артуре в качестве корреспондента газеты «Русь» и о последующей жизни в японском плену он много писал в своих книгах⁷⁰ (о которых далее пойдет речь), поэтому мы не будем подробно останавливаться на данном сюжете. Упомянем лишь об обвинениях, выдвинутых в адрес Ф.П. Купчинского (прежде всего, генералом А.М. Стесселем) — в том, что именно по его вине джонка, выплывшая из Порт-Артура (на борту которой находился, в частности, и Купчинский) была замечена японским кораблем (при этом Купчинский, якобы, сообщил японцам массу сведений о Порт-Артуре), а также — еще более тяжкое обвинение — в выдаче японцам плана побега одного из русских офицеров, сотника Святополк-Мирского, из плена (по другой версии, Купчинский разболтал об этом японской медсестре, с которой у него был роман, а она уже сообщила по инстанции). За выдачу плана побега Купчинский, избитый, по словам генерала Стесселя, до беспамятства русскими офицерами, был отпущен японцами на волю⁷¹. В своих мемуарах Купчинский, разумеется, ни о чем подобном не сообщал — там имеется лишь безличное упоминание о том, как джонка, в которой он плыл, была захвачена японцами; что же до неудавшегося побега, то последний описывается подробно, но вне всякой связи с деятельностью автора мемуаров. Наоборот, Купчинский подчеркивал, что он уже в России неоднократно «поднимал вопрос в печати» о судьбе беглецов, посаженных в японскую тюрьму, и даже говорил о них с военным министром В.В. Сахаровым⁷². Не вдаваясь в подробности обвинений А.М. Стесселя в адрес Ф.П. Купчинского⁷³ (подтверждение либо опровержение возможного предательского поведения Купчинского в японском плену может стать темой самостоятельного исследования), отме-

тим, что Купчинский действительно был выпущен японцами из плена не только до конца войны, но даже и до наступления в ней окончательного перелома в пользу Японии (по его словам, еще при взятии в плен свобода была ему обещана сразу же после падения Порт-Артура, причем он сам, в связи с задержкой приказа об освобождении, собирался бежать, но в итоге все же был освобожден⁷⁴).

По возвращении из японского плена в Россию, охваченную революцией, Ф.П. Купчинский полностью подчиняется общему направлению умов. Свидетельством этого могут служить три выпуска «Книжки «Молнии»», осуществленные им в 1906 г.⁷⁵ Первая книжка, как и последующие, представляла собой 16-страничную брошюрку, весь текст которой был заполнен очерком Ф.П. Купчинского «Характер японцев и их способности» (по-видимому, более актуального материала у литератора на тот момент не нашлось)⁷⁶. Представляет интерес написанное Купчинским предисловие, в котором он объясняет читателям цель издания «книжки»: «Фабриканты, пользуясь выгодой своего положения, эксплуатируют рабочих, которым трудно, порою, бороться с произволом капиталиста, т. к. за спиной их стережет страшный призрак голода, но они все-таки борются, пускают по миру свои семьи, голодают, холодают, болеют, но все-таки борются... <...> Цель издания этих книжек “Молния”, которые будут продавать на улицах сами рабочие: — оказать им поддержку, и временным заработком, и образованием кассы “взаимопомощи”. <...> Я не посылаю книжки ни магазинам, ни профессиональным разносчикам, а сдаю их для продажи только бедным рабочим.

Если публика отнесется со вниманием к этой идее, можно будет привлечь к участию других авторов и давать за ту же цену большее количество литературного материала»⁷⁷.

Во второй «книжке» Ф.П. Купчинскому принадлежал уже не весь текст, удалось привлечь и других авторов. Содержание стало носить актуальный, революционный характер⁷⁸. Так, например, сам Купчинский в стихотворной форме клеймил власть: «В родине, кровью залитой, // Трупы гниют по полям... // Вечная память убитым, // Вечный позор палачам!»⁷⁹ В помещенном в этой же «книжке» рассказе Купчинского повествуется о том, как крестьянская жена вынуждена была «отрабатывать» в семье священника за отпевание своего ребеночка и была избита попадьей⁸⁰. Столь явная антицерковная направленность текста говорит о том, что во время первой революции Купчинский, по-видимому, распрощался не только с монархическими, но и с религиозными убеждениями. Наконец, в третьей «книжке» (бывшей также плодом коллективного творчества) Купчинский предавался мечтам о будущем грозном народном суде «над тюремщиками и над бессильными властелинами, не умевшими властвовать. И будет этот

суд молодого, освобожденного народа неумолим, грозен и прекрасен, как сама весна, несущая земле освобождение...»⁸¹.

Начиная с 1906 г. в петербургских и московских издательствах одна за одной выходят его книги, посвященные русско-японской войне и виновникам военных неудач России⁸², а также положению русских пленных в Японии⁸³. Кроме того, выходит книга очерков о современной Японии и повесть из японской жизни⁸⁴. Таким образом, Ф.П. Купчинский как журналист смог максимально использовать «японскую» тему, интересовавшую в то время русское общество. Исследователям Русско-японской войны не пройти мимо его книг о Порт-Артуре и о русских военнопленных, к числу которых принадлежал и сам автор. Отметим, что его литературные интересы данной темой не ограничивались – в это же время выходит в свет сборник философских эссе Купчинского (впрочем, довольно банального свойства)⁸⁵. Позднее, в 1910 г.⁸⁶, вышла антивоенная книга «Проклятие войны», об оценке которой Л.Н. Толстым уже упоминалось выше⁸⁷.

В эти годы Ф.П. Купчинский, сотрудничая с российскими периодическими изданиями, значительную часть времени, действительно, проводит за границей (как о том свидетельствует переписка его с Л.Н. Толстым). Тому могло быть несколько причин – и естественное желание молодого человека повидать свет, и наличие финансовых возможностей у семьи (и отец, и дед Купчинского занимали достаточно крупные должности в губернском управлении), и, не будем этого исключать, желание на время уехать из страны из опасения расследования своих статей и призывов в «Молнии» во время революции. Эти опасения были вполне оправданы: в январе 1913 г. Особое присутствие Санкт-Петербургской судебной палаты приговорило Ф.П. Купчинского к 6 месяцам тюремного заключения за издание «Молнии» в 1906 г.⁸⁸

В годы Первой мировой войны Ф.П. Купчинский вновь становится военным корреспондентом. Известный поэт-сатирик Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), работавший в основанной А.А. Сувориным⁸⁹ в январе 1914 г. московской газете «Новь», вспоминал, что среди сотрудников был «Филипп Петрович Купчинский, высокий человек в зеленом френче и лакированных ботфортах, прославившийся еще в «Руси» <...> состоял теперь военным корреспондентом и присылал с фронта такие картинки окопной жизни, что даже в искушенной редакции и то диву давались.

Оказывалось, что в окопах, когда наступало затишье, солдаты мирно беседовали о переселении душ, и хотя по штабным понятиям назывались стрелками, на самом деле были убежденными теософами, а Блаватскую чуть ли не считали шефом полка»⁹⁰.

«Новь» прекратила существование в январе 1915 г.⁹¹ Впоследствии, перед революцией, Ф.П. Купчинский станет сотрудником ряда петрог-

радских изданий (например, литературно-художественного журнала «Солнце России», в котором позднее, после Февраля, Купчинский опубликует свой самый известный очерк – отчет о сожжении тела Григория Распутина)⁹². Таков жизненный путь Филиппа Петровича Купчинского в дореволюционной России.

Говоря в целом о его личности, нельзя не отметить в ней целый ряд специфических черт. Не касаясь обвинений в изменническом поведении в плену (нуждающихся, на наш взгляд, в дополнительном подтверждении), отметим его определенную неуравновешенность, склонность к патетике, стремление сказать свое слово в литературе, стать «властителем дум» (вообще нередкое в Серебряном веке) и, наконец, удивительную энергию, коммуникативность, работоспособность. Все эти качества обусловили востребованность Купчинского (психологический облик которого, насколько можно судить по собранным нами фактам, схож чем-то с обликом самого известного политика эпохи – А.Ф. Керенского) в политической стихии 1917 года.

Главным препятствием для исторической реконструкции деятельности Ф.П. Купчинского в бывшей ПКЧ после Февральской революции является скудость и неполнота источников, которые могли бы осветить этот вопрос. Так, в архивном фонде ПКЧ в РГИА (Ф. 477) упоминания о Ф.П. Купчинском фрагментарны и не позволяют выстроить сколько-нибудь обстоятельную картину как его назначения уполномоченным по делам ПКЧ, так и работы в этой должности. Подобная картина (хоть и несвободная от ряда «темных пятен») сложилась лишь при привлечении материалов архивного фонда ВКГД, хранящегося в том же РГИА (Ф. 1278. Оп. 10), и особенно фонда Канцелярии министра-председателя, хранящегося в ГА РФ (Ф. 1778).

Самый ранний документ, связанный с послереволюционной деятельностью Ф.П. Купчинского, обнаружился в делах ВКГД: это удостоверение, выданное Купчинскому 2 марта 1917 г. за подписью «за председателя» ВКГД М.А. Караулова. Ввиду его важности для нашей темы позволим себе процитировать документ целиком: «В дополнение полномочию, выданному Филиппу Петровичу Купчинскому, от 1 Марта, приказываю оказывать ему всякое содействие в деле регистрации наличного автомобильного имущества в Петрограде для поступления его в ведение и пользование Временного Комитета.

Поручаю устроить базу наличного автомобильного состава и гараж для нужд Думы и Комитета. Для этой цели закрепить имущества и состав автомобильных рот за Государственной Думой, поставить караулы, составить списки, назначить шоферов.

Незаконно захваченные, легко попорченные и брошенные автомобили поручаю Купчинскому присоединить к базе автомобилей Думы.

Все привлеченные к этому делу лица должны иметь выдаваемые

Купчинским временные удостоверения, автомобили все будут иметь плакаты о принадлежности Думе»⁹³.

Приведенный документ ставит больше вопросов, чем дает ответов. Из него следует, что уже 1 марта Ф.П. Купчинский получил уполномочие от ВКГД, но на что именно – неизвестно. Можно лишь предположить, что оно было связано с формированием автомобильной базы ВКГД. Чтобы внести некоторую ясность в этот вопрос, обратимся еще к двум выявленным источникам, проливающим свет на обстоятельства получения Ф.П. Купчинским полномочий от ВКГД.

Во-первых, это предписание, выданное Ф.П. Купчинскому министром-председателем Временного правительства Г.Е. Львовым 7 марта. В документе говорилось: «Предписываю уполномоченному Государственной Думы Филиппу Петровичу Купчинскому озаботиться, чтобы вывезенные им автомобили из Царского Села, принадлежавшие «Собственному Его Величества Гаражу», а также автомобили Зимнего Дворца временно не эксплуатировались, и вся организация шоферов и иных служащих по мастерским и складам была приведена в порядок и точную известность. В это имущество входит также все принадлежавшее конюшенному ведомству (Дворцовое Управление); лошади, экипажи, обмундировка и прочее. Указания по эксплуатации этого имущества получите по приведении последнего в порядок и докладе об этом»⁹⁴.

Во-вторых, процитируем письмо, с которым Ф.П. Купчинский обратился к Г.Е. Львову 14 апреля. Вынужденный уйти с должности уполномоченного по делам бывшей ПКЧ, Купчинский напоминал министру-председателю о первых своих шагах на этом поприще: «7-го марта текущего года Вами было поручено мне охранить и организовать автомобили бывш[его] «Его велич[ества] гаража», вывезенные мною из Царского Села во время переворота, также привести в порядок и организовать имущество бывш[ей] придворн[ой] конюшенной части.

Действуя до сих пор только по полномочию Времен[ного] Комитета Госуд[арственной] Думы, я стал дальше работать на основании предписания Вашего от 7 марта за 5599»⁹⁵.

На основании приведенных выше источников складывается наконец определенная целостная картина. В дни Февральской революции под руководством Ф.П. Купчинского была осуществлена перевозка автомобилей «Собственного Его Величества Гаража» из Царского Села в Петроград, в распоряжение ВКГД; 1 марта Ф.П. Купчинский получил от ВКГД соответствующее уполномочие. Остается, правда, неясным – предшествовало ли его получение перевозке автомобилей (и тогда, надо полагать, полномочия Купчинского прежде всего и распространялись на эту перевозку с последующим формированием автомобильной базы ВКГД) или же Купчинский самостоятельно сумел организовать перемещение Гаража в Петроград (движимый, может быть,

честолюбивым желанием выдвинуться перед новой властью) и уже затем получил от Думы соответствующий документ. По крайней мере, 2 марта, надо полагать, автомобили Гаража уже были в Петрограде (иначе в удостоверении, данном Купчинскому в этот день, упоминалось бы и о Царском Селе).

Коснемся здесь еще одного факта, связанного, впрочем, более не с историей, а с историографией ПКЧ в 1917 году. В книге современного исследователя И.В. Зимина указывается, что «9 марта 1917 г. вся материальная часть «Собственного Его Императорского Величества гаража» была передана в распоряжение Временного правительства»⁹⁶. При этом историк ссылается⁹⁷ на хранящееся в фондах РГИА дело (без указания конкретного листа) с названием «Переписка и талоны требований на выдачу бензина для автомобилей»⁹⁸. В апреле 2013 г. автор этих строк также решил ознакомиться с данным источником – и каково же было его удивление, когда он обнаружил в «листе использования документа» единственную фамилию – свою собственную. Проще говоря, И.В. Зимин сослался на дело, которое он никогда не читал⁹⁹; излишне говорить, что на 16 листах данного документа (включающих в себя собственно «талоны требований» и сопровождающую их техническую переписку за июнь – декабрь 1917 г.) никакого указания на передачу 9 марта материальной части Гаража в распоряжение Временного правительства не имеется. Вряд ли подобная передача в указанное время вообще имела место – тем более что уже 7 марта Ф.П. Купчинский получил предписание министра-председателя, на основании которого и действовал в дальнейшем.

Немногочисленные источники ничего не говорят о каком-либо участии Ф.П. Купчинского в управлении иными структурами ПКЧ, кроме Гаража, вплоть до 7 марта. Однако в предписании, данном ему Г.Е. Львовым, уже ясно говорится о переходе под управление Ф.П. Купчинского «всего принадлежавшего конюшенному ведомству»¹⁰⁰. О том, как он руководил этим подразделением бывшего Императорского двора, Ф.П. Купчинский рассказывал в уже упомянутом письме к Г.Е. Львову от 14 апреля: «Силою вещей и ввиду требований членов правительства была мною организована автомобильная база из числа вышеупомянутых и кооптированных¹⁰¹ машин и база конюшенная. Персоналы служащих были мною организованы на выборных началах. Имущество и люди были ограждены мною от бесчисленных нападков и попыток отчудить или реквизировать со стороны разных лиц и учреждений. Теперь автомобильная база является сплоченным ядром, жизнь которого идет по выработанным приемам, обслуживая весь состав Временного правительства и большую часть организации Государствен[ной] думы и других учреждений»¹⁰².

Понятно, что описание собственной деятельности редко бывает

объективным. В нашем распоряжении имеется и независимый источник — дневник С.И. Смирновой-Сазоновой. Со слов уже упоминавшегося А.В. Давыдова, С.И. Смирнова-Сазонова 22 марта записала: «У них в конюшен[ном] ведомстве офицеров совсем устранили от дела. Всем распоряжается думск[ий] комиссар Шумский, кот[орый] поставлен угождать нов[ым] властям. Царск[ие] экипажи и царск[их] лошадей весь день гоняют, возят на них новых министров, депутатов, милиционеров, каких-то дам, студентов. Все эти господа по перв[ому] требованию получают шорн[ые] выезды и великолепн[ые] автомобили. Отпускает экипажи Шумский, у него список лиц, кот[орые] могут в них кататься. Гринвальд вышел в отставку и выехал из казен[ной] квартиры¹⁰³. «Не могу, говорит, видеть, к[ак] у меня под окнами ездят хулиганы». Прогнали двор и сели на его место; велели подать себе придворн[ые] коляски, летают в них по всему городу. Раньше не позволялось сажать в фаэтон больше двоих, чт[обы] не портить рессоры, теперь садятся и вчетвером. Кучера и конюхи лошадей не убирают, [неразборчивое слово — П.Г.] лошади стоят с всклокочен[ными], нерасчесан[ными] гривами; овса им не дают, его отпускают мало, овса нет. Давыдов на это только из окна смотрит. Конюшен[ная] челядь своего бывш[его] начальства, конюшен[ных] офицеров, теперь знать не хочет, теперь, говорит, свобода, мы все равны»¹⁰⁴.

Нарисованная С.И. Смирновой-Сазоновой весьма неприглядная картина сразу привлекает внимание одной, но зато очень важной детали — о каком «думском комиссаре Шумском» идет речь? В фундаментальном исследовании А.Б. Николаева, посвященном деятельности ВКГД, комиссар или уполномоченный с такой фамилией не значится¹⁰⁵. В архивных фондах ПКЧ и ВКГД также отсутствуют какие-либо сведения о нем (по крайней мере, нами они не были обнаружены). В то же время из приведенных выше документов видно — начиная с 7 марта ПКЧ управлял Ф.П. Купчинский. Приходится признать, что писательница по какой-то причине допустила ошибку, и на месте загадочного «Шумского» должна была бы красоваться фамилия героя нашей статьи¹⁰⁶.

Зато не вызывает сомнения факт чрезвычайной загруженности служб ПКЧ, особенно бывшего Гаража его величества, в марте 1917 г. Сам Ф.П. Купчинский приложил к уже упомянутому письму Г.Е. Львову от 14 апреля составленный им ранее (5 апреля) «Список лицам и учреждениям, пользующимся автомобилями Автомобильной базы Временного правительства и Государственной думы», в котором были обозначены 46 «клиентов» бывшего Гаража (в их числе министры, думцы, комиссар Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головин, его помощник П.М. Макаров и др.), а также «и множество иных лиц»¹⁰⁷. По мнению Ф.П. Купчинского, именно предельная за-

руженность Автомобильной базы (бывшего Гаража) и стала причиной недоразумений, которые привели в итоге к его отстранению от должности. «В работе мне приходилось сталкиваться с многими претензиями и требованиями от лиц и организаций, удовлетворить которых¹⁰⁸ было физически невозможно. Нельзя было пять тысяч накормить пятью хлебами и тридцать машин на ходу не могли обслуживать нужды сотен желавших и представлявших свои права. Тем более, что личные машины быв[шего] царя не пускались в дело. Когда комиссаром над бывш[им] дворцовым ведомством был назначен Ф.А. Головин, я явился к последнему и получил от него поручение продолжать вести организованное мною дело, что я [и] делал¹⁰⁹. Но постепенно образовались недовольные из числа лиц, которым не хватало машин. Начались на меня нападки и угрозы, к которым я относился спокойно, зная, что делаю дело, нужное сейчас и не жалея на него трудов и всего своего времени», — жаловался Ф.П. Купчинский в уже упомянутом письме к министру-председателю, заключая: «В результате с одной стороны — организованное большое дело и, с другой стороны, еще большее обострение ко мне со стороны неудовлетворенных лиц, что, видимо, послужило основанием для Ф.А. Головина безо всякого предупреждения или объяснения предложить мне снять с себя данные полномочия»¹¹⁰.

Ф.П. Купчинский в целом верно определил источник своих неприятностей — отделаться от него решил именно комиссар над бывшим МИДв Ф.А. Головин. В ГАРФ сохранилось отношение Г. Е. Львова к Ф. А. Головину от 29 марта, в котором министр-председатель, «свидетельствуя совершенное почтение Федору Александровичу», препроводил «при сем на заключение проект предписания уполномоченному Ф. П. Купчинскому по вопросу о порядке сохранения и пользования автомобилями»¹¹¹. Таким образом, в данное время Ф.П. Купчинский как уполномоченный по делам бывшей ПКЧ сохранял еще доверие правительства. Но у Ф.А. Головина были другие планы — уже на следующий день, 30 марта, он обратился к члену III и IV Государственных думы трудовику В.И. Дзюбинскому¹¹² с официальным предложением «не отказать принять на себя заведывание и наблюдение над бывшей Придворной конюшенной частью»¹¹³. Наконец, 4 апреля Ф.А. Головин отправил Ф.П. Купчинскому «предложение» о сложении с себя полномочий, о чем в тот же день были оповещены В.И. Дзюбинский¹¹⁴ и Г.Е. Львов¹¹⁵. Тогда же Головин направил письмо и в ВКГД с просьбой сложить с Купчинского полномочия, что и было оформлено в специальном отношении ВКГД к Ф.П. Купчинскому от 7 апреля¹¹⁶.

Такой оборот дела, разумеется, не порадовал Ф.П. Купчинского. Дадим вновь ему слово: «Я тогда же прибыл к Вашему личному секретарю г. Кайстра и рассказал ему об этом», — писал Ф.П. Купчинский министру-председателю 14 апреля о своей реакции на получение «пред-

ложения» Ф.А. Головина от 4 апреля. «То же я передал и управляющему делами Времен[ного] комитета г. Глинке. Последний уверил меня, что доверие Времен[ного] комитета ничем не поколеблено ко мне, но просил вернуть полномочия лишь на основании просьбы г. Головина.

Через члена Госуд[арственной] думы В.И. Дзюбинского я просил Ф.А. Головина объяснить его отношение ко мне и моей работе. Никаких объяснений я не получил, а прибывший принимать от меня все дела В.И. Дзюбинский просил меня пока не оставлять дело. Между тем, видимо, считая, что [я] действительно в чем-то виновен, Совет солд[атских] депутатов обратился ко мне с просьбой дать объяснения на те нападки, которые он слышал на меня (ставя в связь мой уход)¹¹⁷.

Вчера я ответил, что на все нападки предлагаю ответить лично перед Исполнительным комитетом в любое время и что не считаю себя вправе уходить, пока не выяснится создавшееся положение. О том же я сообщил В.И. Дзюбинскому, который уже поручил помощнику моему кап[итану] Чубинову взять на себя ведение автомобильного дела.

Убедительно прошу отстоять тут прямое начало справедливости. Мне непонятно, почему за организацию и сделанное дело, которым пользуется весь состав Врем[енного] правительства, — можно поступить таким образом.

Я прошу о том, чтобы мне было предоставлено продолжать управлять хотя бы только одной автомобильной базой, которую мною намечено расширить и увеличить. Я прошу о том, чтобы назначенный сейчас мой помощник Чубинов продолжал бы помогать мне в ведении всего дела автом[обильной] базы. Я прошу дать мне возможность отразить самому все нападки и обвинения, которые касаются и моих сотрудников, — я должен по долгу чести сделать это, не уходя из дела. Мой уход может быть истолкован или как бегство от ответа, или как кара за какие-то отриц[ательные] действия, которых за собою и своими сотрудниками я не знаю; я убедительно настаиваю на этом.

Далее я просил бы для пользы дела и ввиду малого количества машин в России и большой нужды в них — **ВЫДЕЛИТЬ АВТОМОБИЛЬНУЮ БАЗУ В ОТДЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, ПОДЧИНИВ ЕГО СОВЕТУ МИНИСТРОВ.** Конюшенная часть предположена к упразднению, а автомобильную часть необходимо **УСИЛИТЬ** и упрочить. Я начал это дело в такое трудное время и я желал бы его закончить в сотрудничестве с людьми, с которыми до сих пор, по моему мнению, сделано все в интересах членов правительства и Думы.

Однако если это не представляется возможным, то прошу разрешить мне не покидать управления делом до тех пор, пока не выяснятся нападки и я не получу письменного и публичного извинения от нападавших»¹¹⁸.

Как видим, помимо постановки вопроса о несправедливости свое-

го увольнения, Ф.П. Купчинский высказал в цитированном письме важную идею об эмансипации Автомобильной базы от бывшей ПКЧ, одновременно предлагая свои услуги по управлению новым учреждением. Трудно сказать, что им двигало в большей степени – появившийся ли интерес к автомобильному делу, или желание удержаться во власти любой ценой; так или иначе, высказанное предложение было совершенно разумным, а его осуществление – неизбежным в исторической перспективе. Впрочем, Ф.П. Купчинскому этот маневр не помог. Уже на следующий день, 15 апреля, он получил неутешительный для себя ответ министра-председателя, сообщавшего, что все его (Купчинского) полномочия теперь утратили силу, «так как за назначением Ф.А. Головина комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов таковые полномочия могут быть выдаваемы только от его имени». Ввиду этого, писал Г.Е. Львов, «предлагаю Вам все имеющиеся у Вас по сему делу удостоверения, дела и документы сдать особо назначенному Ф.А. Головиным лицу»¹¹⁹. О своем ответе Ф.П. Купчинскому Г.Е. Львов сообщил тогда же и Ф.А. Головину¹²⁰.

Теперь Ф.П. Купчинскому оставалось только подчиниться. 16 апреля он написал Г.Е. Львову последнее служебное письмо, в котором извещал, что «дела, документы и имущество по быв[шей] Придворной конюшенной части и бывш[ему] Гаражу его величества мною сдаются члену Государственной думы В.И. Дзюбинскому, ввиду назначения его комиссаром Ф.А. Головиным для принятия от меня управления вышеупомянутыми учреждениями». При этом Ф.П. Купчинский доводил до сведения Г.Е. Львова, что им «возбужден вопрос через В.И. Дзюбинского перед Ф.А. Головиным об удовлетворении меня вознаграждением в законном размере за труды по управлению двумя учреждениями и по организации их; полагаю настоящее справедливym тем более, что Ф.А. Головин предложил мне сложить полномочия без всякого указания причин и без предупреждения»¹²¹. Ф.П. Купчинский еще не знал, что вопрос о его вознаграждении к тому времени был уже решен правительством¹²².

Тем не менее даже окончательно покидая свой пост, Ф.П. Купчинский не мог не коснуться вопроса о будущем Автомобильной базы правительства: «Ввиду особой важности существования организованной мною базы автомобильной для обслуживания Временного правительства и Государствен[ной] думы и ввиду возможных событий в наше тревожное время, считаю долгом своим высказать:

ПОЛАГАЛ БЫ СУЩЕСТВЕННО ВАЖНЫМ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЦЕЛЬНОСТИ И ЖИВУЧЕСТИ АВТОМОБИЛЬНОЙ БАЗЫ – ВЫДЕЛИТЬ ЕЕ В САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОРГАН, НАСУЩНО НЕОБХОДИМЫЙ СЕЙЧАС И ПОСЛЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ И НИ-

КОИМ ОБРАЗОМ НЕ ЛИКВИДИРУЕМЫЙ ВМЕСТЕ С БЫВШ[ЕЙ] ПРИДВ[ОРНОЙ] КОНЮШЕН[НОЙ] ЧАСТЬЮ.

Тогда база могла бы быть расширена и число машин умножено, в Петрограде устроена своя мастерская, выведенная из Царского Села; все учреждение могло бы избрать себе иное помещение вне ликвидируемой в ближайшем будущем конюшенной части. Со своей стороны охотно приложил бы свой труд на это дело. Отстаивая целостность базы, мне за полтора месяца пришлось выдержать немалую борьбу, предстоит борьба еще, и я полагаю бы в интересах Времен[ного] правительства и Времен[ного] комитета Госуд[арственной] думы и иных учреждений власти — скорее и именно так разрешить этот вопрос»¹²³.

Какую-либо реакцию министра-председателя на это предложение выявить не удалось. Ф.П. Купчинскому пришлось оставить руководство бывшей ПКЧ. Но в конце 1917 г., на волне следующей революции, он чуть было не вернулся в конюшенное ведомство.

Еще в советское время среди документов, отложившихся в фонде Военно-революционного комитета, был опубликован весьма примечательный приказ наркома просвещения А.В. Луначарского (которому новая власть вначале поручила заведывание и бывшим МИДв) от 5 ноября 1917 г. Луначарский, «на основании постановлений общего собрания служащих автомобильно-конюшенной базы Российской республики от 5 ноября 1917 г.» объявлял в приказе об увольнении ряда начальствующих лиц ПКЧ и назначении на их место кандидатов, угодных общему собранию служащих. Наиболее важная часть документа касалась руководителя конюшенного ведомства — уполномоченного комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по бывшей ПКЧ Е.А. Френкеля (назначен на эту должность с 1 мая 1917 г. приказом Ф.А. Головина от 31 мая 1917 г.¹²⁴): «Освободить от занимаемой им должности Е.А. Френкеля и на место его утверждаю избранного служащими Ф.П. Купчинского, в должности уполномоченного, коему, как лицу, облеченному доверием служащих базы, Е.А. Френкель обязан немедленно сдать свою должность»¹²⁵.

Однако, вопреки приказу А.В. Луначарского, Купчинский во главе базы так и не стал. Приведем цитату из «Отчета о политической деятельности Автомобильной базы Рабочего и Крестьянского правительства», составленного служащими Базы 5 августа 1918 г. и излагающего события, происходившие на Базе, начиная с Февральской революции (при этом период от Февраля до Октября был освещен очень кратко): «С 26 октября 1917 г., т. е. с первого дня социальной революции, вся власть по управлению Автомобильной базой перешла целиком в руки Комитета, что и видно из протокола от 27 октября 1917 г. за 15 — где говорится, что всем служащим предлагается беспрекословно подчиняться распоряжениям Комитета. Того же числа Комитет немедленно

делегировал в Смольный к тов. Луначарскому депутацию с резолюцией, вынесенной на общем собрании служащих, что Автомобильная база признает власть Советов и отдает в полное распоряжение Военно-Революционного комитета все имеющиеся автомобили и этим самым дала она ускорение действий нового правительства.

28 октября Центральным Исполнительным Комитетом был назначен комиссаром Авто-Базы б. корнет Покровский, который, пробыл¹²⁶ на означенном посту около недели и, по неизвестным для нас причинам, он был удален.

5-го ноября по инициативе Комитета было сделано общее собрание, на которое и был приглашен тов. Луначарский и ознакомил служащих подробно с положением в то время момента¹²⁷ и утвердил право выборного начала общего собрания и на место непризнанного служащими уполномоченного Френкеля был избран на означенный пост б. подполковник Конюшенной базы тов. Балин¹²⁸.

2-го декабря на общем собрании был перевыбор Комитета, куда и вошли новые члены во главе с большевиком Перфильевым.

10-го декабря Центральным Исполнительным Комитетом был назначен и утвержден тов. Луначарским в должности комиссара Авто-Конюшенной базы – товарищ Бородачев, который и работает по сие время в полном контакте с Комитетом»¹²⁹.

Таким образом, в качестве преемника Е.А. Френкеля в указанном отчете назван подполковник А.Г. Болин, избранный служащими. Интересно, что Болин получил полномочия и, так сказать, с другой стороны баррикад – приказом вр. и. о. комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Н.Э. Рюдмана от 20 ноября ему было поручено временное исполнение обязанностей уполномоченного по делам бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Гаража его величества, ввиду «отъезда из Петрограда» Е.А. Френкеля¹³⁰. Однако из цитированного выше приказа А.В. Луначарского от 5 ноября нам известно, что тогда, в начале ноября, служащие ПКЧ и Гаража называли кандидатуру Ф.П. Купчинского. В чем же причина подобной «рокировки»?

На наш взгляд, причиной ее могло стать резкое идейное расхождение Ф.П. Купчинского с большевистскими властями, проявившееся вскоре после Октябрьской революции и приведшее в конце концов Купчинского в стан противников большевиков. Кажется, первым и пока единственным обратил внимание на участие Ф.П. Купчинского в белом движении Н.В. Стариков, заявивший в одной из своих книг (без ссылки на источник): «Мне удалось обнаружить его фамилию лишь на агитационных плакатах Вооруженных Сил Юга России, т. е. белой армии под командованием Деникина. Отдел агитации и пропаганды назывался ОСВАГ. Видимо, там Филипп Петрович Купчинский, поэт

и публицист, с честью выполнял новое задание своих хозяев — «беззаветно служа» белому делу, ни в коем случае не допускать его торжества в Гражданской войне. Боролся с красными до последнего белогвардейца! Эта задача, как нам известно, с честью была «купчинскими» выполнена — белые проиграли»¹³¹. Не вдаваясь в разбор ничем не подтвержденных предположений известного конспиролога о работе Ф.П. Купчинского на большевиков, упомянем, что сведения о его антибольшевистской пропагандистской деятельности в 1918–1919 гг. не единичны. В газетных и журнальных публикациях того периода (многие из них републикованы в наше время на различных Интернет-сайтах) содержатся сведения о его работе в основанном в Ростове-на-Дону в апреле 1919 г. журнале «Радуга»¹³², чтении им в конце октября 1919 г. в ростовском электротееатре «Солей» кинолекции на тему «Освободительные замученного Киева»¹³³ и др.¹³⁴

Имеющиеся источники пока не позволяют нам установить дату и обстоятельства смерти Ф.П. Купчинского. Можно лишь утверждать, что он скончался между 1919 и 1927 гг. (еще С.В. Фомин заметил, что журналист Е.М. Лаганский в своем очерке, написанном в январе 1927 г. и посвященном сожжению трупа Г.Е. Распутина, называет Ф.П. Купчинского «умершим»¹³⁵). Поскольку в просмотренных нами фундаментальных справочниках по истории русской эмиграции имя Купчинского не упоминается¹³⁶, можно предположить, что умер он в Советской России — вероятно, на завершающем этапе Гражданской войны (к этому выводу подталкивает характерная для данного периода сверхсмертность — вызванная и голодом, и эпидемиями, и красным террором, под удары которого Купчинский, занявший антибольшевистскую позицию, имел все шансы попасть).

¹ *Купчинский Ф.П.* Как я сжигал Григория Распутина. Фактическое сообщение Ф.П. Купчинского // Солнце России. 1917. 369 (11). С. 1–7. Перепечатано с некоторыми сокращениями и без ссылки на источник в книге В.В. Клавинга, посвященной убийству и сожжению трупа Г.Е. Распутина (*Купчинский Ф.П. Я сжег Григория Распутина // Я сжег Григория Распутина* / Сост. В.В. Клавинг. СПб., 2001. С. 49–59).

² См. основные работы по этой теме: *Чепарухин В.В.* Кремация тела Григория Распутина в дни Февральской революции 1917 года // Революция 1917 года в России. Сб. научн. ст. / Под ред. О.А. Поливанова и В.И. Старцева. СПб., 1995. С. 87–95; *Кулегин А.* Загробные приключения «святого черта» / Петербургский Час пик. 2002. 3. С. 12; 4. С. 12; 5. С. 12; *Фомин С.В.* Как они ЕГО жгли // *Фомин С.В.* На Царской страже. (К 25-летию литературно-публицистической деятельности). Статьи 2001–2005 гг. М., 2006. С. 331–428.

³ *Агеева О.Г.* Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. С. 20.

⁴ Шорная упряжь в словаре В.И. Даля также называется «немецкой

упряжью» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1994. Т. 4. Стб. 1463).

⁵ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1916 год. Пг., 1916. Ч. I. С. 55–57; *Любарская Т.Г.* Министерство императорского двора и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 153.

⁶ *Любарская Т.Г.* Министерство императорского двора и его учреждения. С. 153.

⁷ Об истории Собственного его императорского величества гаража см.: Главный гараж России: от Собственного его императорского величества гаража до Гаража особого назначения, 1907–2007 / Под общ. ред. Е.А. Мурова. М., 2007. С. 15–74; *Зимин И.В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010. С. 203–216.

⁸ Так, в архивном деле о смете ПКЧ на 1917 г. указаны 49 классных служащих (чиновников) ПКЧ, 492 неклассных, «вошедших в расписание неклассных должностей на 1917 год» и 51 неклассный служащий, не вошедший в это расписание (последняя цифра исправлена неустановленным редактором на 54). Таким образом, получается 592 (595) служащих (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 681. ЛЛ. 17–23 об., 27–28).

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Ч. II. Д. 2459. Л. 60. Основными расходными статьями сметы конюшенного ведомства были: «содержание классных служащих» (на что в смете МИДв на 1917 г. было отпущено 106 632 руб.); «содержание неклассных служащих, вошедших в расписание неклассных должностей» (соответственно 194 128 руб. – как видим, несмотря на то, что неклассных служащих было в 10 раз больше, чем классных, их общий зарплатный фонд превышал зарплатный фонд классных служащих менее чем в 2 раза); «постройка платья» (120 793 руб.); «покупка фуража» (186 855 руб.); «постройка и ремонт экипажей» (94 544 руб.) (Там же. ЛЛ. 58 об. – 59 об.)

¹⁰ Там же. Л. 60 об.

¹¹ *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 28–29. В московской газете «Русское слово» вскоре после революции появилась краткая заметка, текст которой гласил: «При взятии Зимнего дворца убит оказавший сопротивление начальник отряда полковник Шильдкнехт» (При взятии Зимнего дворца // Русское слово. 1917. 6 марта). Данная публикация, однако, не вызывает доверия, так как, насколько известно, никакого «взятия Зимнего дворца» в дни Февральской революции не было. Возможно, А.А. Шильдкнехт был убит за активное сопротивление восставшим, оказанное им на территории комплекса жилых и служебных зданий ПКЧ (район Конюшенной площади); по крайней мере, писательница С.И. Смирнова-

Сазонова, к чьему дневнику мы еще обратимся ниже, записала 1 марта: «В конюшен[ном] ведомстве арестовали и увезли Гринвальда. На крыше там стрелял пулемет <...> Убили одного офицера, стрелявшего в толпу» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. 65. Л. 134).

¹² Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора. С. 29–30.

¹³ Алексей Вадимович Давыдов родился в 1875 г., с 1895 г. состоял на военной службе, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. С 1910 г. служил в ПКЧ. Был женат на А.К. Анчутиной, сестре зятя С.И. Смирновой-Сазоновой П.К. Анчутина (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 692. ЛЛ. 1–9).

¹⁴ Александр Христофорович Палеолог родился в 1853 г., дворянин, православный. Служил в Лейб-Гвардии Кирасирском полку, с 1882 г. – в ПКЧ. В 1917 г. – генерал-лейтенант, управляющий Канцелярией ПКЧ. 5 апреля 1917 г. подал прошение об отставке (формальный повод – «по болезни»); 4 мая оно было удовлетворено Временным правительством (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 674. ЛЛ. 1, 8, 12, 14–25 об.)

¹⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. 65. Л. 166.

¹⁶ Филипп Петрович Купчинский [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://traditio-ru.org/wiki/Филипп_Петрович_Купчинский

¹⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 78. С. 357.

¹⁸ Толстой Л.Н. Указ соч. М., 1956. Т. 82. С. 161.

¹⁹ Там же. М., 1952. Т. 57. С. 273. Статья Ф.П. Купчинского, описывающая его визит к Л.Н. Толстому, опубликована с сокращениями в кн.: Интервью и беседы с Львом Толстым / Сост. В.Я. Лакшин. М., 1986. С. 341–344.

²⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1936. Т. 38. С. 498.

²¹ См.: Родионов Н.С. Комментарии // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 82. С. 162; Малахова А.М., Усачева А.С. Личные имена и названия // Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополяские записки»: В 5 кн. М., 1981. Кн. 5: Указатели. С. 81; Лакшин В.Я. Примечания // Интервью и беседы с Львом Толстым. С. 496.

²² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 79. С. 263.

²³ Малахова А.М., Усачева А.С. Личные имена и названия. С. 81.

²⁴ Лакшин В.Я. Примечания. С. 496.

²⁵ Филипп Петрович Купчинский // Традиция [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://traditio-ru.org/wiki/Филипп_Петрович_Купчинский

²⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 10721. Л. 4.

²⁷ Там же. Д. 10722. ЛЛ. 2, 3 об.

²⁸ Там же. ЛЛ. 6, 8.

²⁸ Там же. ЛЛ. 2–4.

³⁰ Там же. ЛЛ. 4–4 об., 8.

³¹ Там же. Л. 4 об.

³² Там же. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1205. ЛЛ. 32 об., 33 об. – 35.

³³ Там же. ЛЛ. 39 об. – 40.

³⁴ Памятная книжка Витебской губернии на 1869 год. Витебск, 1869. С. 15; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1880 год. СПб., 1880. Ч. II. С. 23; Памятная книжка Ковенской губернии 1881 года. Ковно, 1880. С. 55.

³⁵ См.: Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1889 год. СПб., 1889. С. 247; То же на 1890 год. СПб., 1890. С. 102.

³⁶ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 264.

³⁷ Он, по всей видимости, скончался около 1906–1907 гг.: в медицинском списке за 1906 г. его фамилия еще упоминается, а за следующий год – уже нет (Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1906 год. СПб., 1906. С. 199; То же на 1907 год. СПб., 1907. С. 210–211).

³⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1205. Л. 33.

³⁹ Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. I. Ч. 1–2. С. 299.

⁴⁰ Служил по ведомству путей сообщения (Памятная книжка Ковенской губернии на 1889 год. Ковна, 1888. С. 28.)

⁴¹ Весь Киев на 1915 год. Киев, 1915. С. 736.

⁴² Этот день в Русской истории [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=176848>

⁴³ Памятная книжка лицеистов. СПб., 1907. С. 80.

⁴⁴ Список чином ведомства Министерства юстиции. 1875. СПб., 1875. Ч. 2. С. 88; То же. 1879. СПб., 1879. Ч. 2. С. 47; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1873 год. СПб., 1873. Ч. II. С. 27; То же на 1883 год. СПб., 1883. Ч. I. С. 610; То же на 1890 год. СПб., 1890. Ч. I. С. 631; Список чином ведомства Министерства юстиции, исправленный по 15 Августа. СПб., 1904. С. 621; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39370. ЛЛ. 4–9.

⁴⁵ Памятная книжка Минской губернии на 1907 год. Минск, 1906. С. 207. П.Ф. Купчинский был назначен на этот пост на рубеже 1896–1897 гг.: о его назначении – в разделе «Главнейшие перемены, происшедшие во время печатания Адрес-календаря на 1897 год» (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1897 год. СПб., 1897. Ч. I. С. 4).

⁴⁶ Весь Петербург на 1907 год. СПб., 1907. Отд. III. С. 383.

⁴⁷ Весь Петроград на 1916 год. Пг., 1916. Отд. III. С. 369.

⁴⁸ Отметим также, что один из рассказов Ф.П. Купчинского был посвящен «моей сестре Коте» (вероятно, семейное прозвище Веры или Елены Купчинских) (Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. В двух частях:

Ч. I. Стихотворения. Ч. II. Проза. СПб., 1902. С. 180).

⁴⁹ Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. С. 299; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39370. Л. 5.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39370. ЛЛ. 1–25. До автора этих строк с делом в 2006 г. работал один исследователь (фамилия которого в «листе использования документа», к сожалению, написана неразборчиво), но, судя по росписи в упомянутом «листе», он ограничился просмотром и выписок не делал.

⁵¹ Там же. Л. 16.

⁵² Там же. ЛЛ. 10–11.

⁵³ Там же. ЛЛ. 2, 14, 19, 23.

⁵⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39370. Л. 1.

⁵⁵ Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. С. 1, 45–46.

⁵⁶ Ряд стихотворений непосредственно ему и посвящен («Надсону», «Поэту. (Памяти Надсона)») (Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. С. 135–136, 153).

⁵⁷ Кроме того, М.Ю. Лермонтову посвящено отдельное стихотворение («Памяти Лермонтова»), а еще в одном («Ангел») есть практически прямое заимствование из лермонтовской поэзии (ср. у Купчинского: «По небу высоко вечерней порой / Ангел из рая летел; / Печальные очи блистали слезой; – / Богу молитву он пел» с известными стихами Лермонтова: «По небу полуночи ангел летел, / И тихую песню он пел») (Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. С. 8–9, 11–12).

⁵⁸ Там же. С. 243.

⁵⁹ Степанов А. «Вестник Русского Собрания» // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. [Отв. редактор О.А. Платонов]. М., 2008. С. 94; Стогов Д.И. Комментарии // Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 668.

⁶⁰ Малахова А.М., Усачева А.С. Личные имена и названия. С. 167. См. черновики и отдельные вырезки его статей для «Русского знамени» в архивном фонде газеты: РГИА. Ф. 786. Оп. 1. Д. 902. ЛЛ. 1–45.

⁶¹ Ярмонкин В. Еврейский вопрос. СПб., 1894. С. 18–19.

⁶² «Образование дворянских детей, как мальчиков, так и девочек, должно быть обособлено и совершенно отделено от образования детей других сословий. <...> Нельзя Лермонтова и Пушкина заставить проводить первые годы жизни с каменщиками и плотниками, нельзя заставить дворянских детей воспитываться вместе с детьми сапожников, кабатчиков и ростовщиков. Сапожник от такого сообщничества не облагородится, так как облагораживание природы человека создается образованием и воспитанием из поколения в поколение, – а дворянин запачкается дегтем и пропитается тем специфическим запахом, который ежедневно будет приносить с собою сын сапожника из своей среды, из своей домашней обстановки» (Ярмонкин В. Письма идеалиста. Первая серия. Первые 12 писем. СПб., 1902. С. 195).

⁶³ Ярмонкин В. Письма идеалиста. С. 289–396.

⁶⁴ Ярмонкин В. Указ. соч. С. 351. В другом месте этого «письма» Ярмонкин называет писателя «настоящим животным» – и за что – за описание в повести «Детство» поцелуя главным героем Николенькой Иртеньевым (которого Ярмонкин уверенно отождествляет с самим Толстым в детстве) девочки Катеньки в плечо (Там же. С. 355).

⁶⁵ Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. С. 243.

⁶⁶ Там же. С. 245.

⁶⁷ Там же. С. 245–246.

⁶⁸ Горячее отношение автора к Церкви видно уже по названиям ряда стихотворений («Приди ко мне, Христос!», «Христос» и др.) (Купчинский Ф.П. Сочинения Ф.П. Купчинского. С. 149 – 152).

⁶⁹ См.: Кк. В Маньчжурии // Русь. 1904. 22 марта; Ф.К. С пути в Маньчжурию // Там же. 23 марта; К–ский. С Дальнего Востока. Письмо из Харбина // Там же. 1 апреля.

⁷⁰ См. напр.: Купчинский Ф. Новая Япония. СПб., [1911]. С. 12–13. Год издания указан по каталогу РНБ.

⁷¹ См. об этом подробнее: [Стессель А.М.] Отповедь генерала Стесселя // Руадзе В.П. Моим врагам. (Отповедь генерала А.М. Стесселя). СПб., [1907]. С. 19–20. (Дата издания установлена по каталогу РНБ); Абрамов В.В. Б.Л. Тагеев – писатель, путешественник, разведчик (Из семейной хроники) // Из глубины времен. Вып. 13. СПб., 2005. С. 205–206, 209. В.В. Абрамов, который приводит «романтическую» версию, в которой Ф.П. Купчинский выглядит все же не циничным предателем, а, скорее, чрезвычайно легкомысленным человеком, ссылается на ряд мемуарных трудов, в которых, однако, упоминаний об этом факте нет. Возможно, В.В. Абрамов почерпнул его из следственного дела Б.Л. Тагеева (товарища Ф.П. Купчинского по плену), цитирование которого идет в тексте очерка В.В. Абрамова без ссылок.

⁷² Купчинский Ф.П. В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. (С картой г. Мацуяма и 168 илл. в тексте и отдельно). СПб., 1906. Без номера страницы (Предисловие), С. 98 – 100.

⁷³ В книге В.П. Руадзе имеется также упоминание о том, что Купчинский будто бы явился к Стесселю вскоре после окончания войны и предложил ему «свои услуги для реабилитации генерала»; Стессель «указал ему на дверь», после чего и начался поток «разоблачений» со стороны Купчинского (Руадзе В.П. Моим врагам. С. 71).

⁷⁴ Купчинский Ф.П. В японской неволе. С. 248–254.

⁷⁵ В первом из выпусков год указан на обложке; дата издания второго и третьего приводится по каталогу РНБ.

⁷⁶ Купчинский Ф. Характер японцев и их способности // Книжка «Молния». СПб., 1906. Книжка первая. С. 3–16.

⁷⁷ Купчинский Ф. Читателю // Там же. С. 1.

⁷⁸ И это было замечено компетентными органами: на экземпляре, хранящемся в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге (шифр 1 в/23065) имеется штамп: «Библиотека СПб. Охранного отделения. 1392 а/1».

⁷⁹ *Купчинский Ф.* Из песен борьбы. Проклятье // Книжка «Молния». [СПб., 1906]. Книжка вторая. С. 7.

⁸⁰ *Купчинский Ф.* Престольный праздник // Там же. С. 13 – 16.

⁸¹ *Купчинский Ф.* Отрывки // Книжка «Молния». [СПб., 1906]. Книжка третья. С. 8.

⁸² *Купчинский Ф.* 1) Порт-Артурские «герои». К процессу генералов Стесселя, Фока, Смирнова, Рейса и др. М., 1907; 2) «Герои» тыла. (Очерки преступной деятельности чинов интендантского ведомства во время Русско-Японской войны). СПб., 1908.

⁸³ *Купчинский Ф.П.* В японской неволе. Сразу после оглавления, предваряя основной текст книги, Купчинский поместил свою собственную фотографию, в полный рост, снятую в 1905 г. в Японии.

⁸⁴ *Купчинский Ф.:* 1) Новая Япония; 2) «О-Ику-Сан». Повесть. (Из японской жизни). М., 1911. На лицевой странице титульного листа последнего издания напечатано: «Посвящаем сестре нашей Вере / эту повесть – Автор / эти рисунки – Иллюстратор». Можно предположить, что иллюстратором книги был брат Ф.П. Купчинского Николай.

⁸⁵ *Купчинский Ф.* Тишина. СПб., 1908. Экземпляр, хранящийся в РНБ – с автографом автора.

⁸⁶ В каталоге РНБ ошибочно указана в квадратных скобках дата «[1911]» – как уже говорилось выше, Л.Н. Толстой отправил свой отзыв Ф.П. Купчинскому о его уже изданной книге в сентябре 1910 года.

⁸⁷ *Купчинский Ф.* Проклятие войны. Очерки убийств, казней, пыток, грабежей, рукопашных боев, пожаров, истязаний, побед, насилий, преступлений, творимых под флагом войны. СПб., [1910]. Предисловия Толстого, о котором просил писателя Купчинский, в книге нет. Книга была посвящена автором его сестре Вере.

⁸⁸ Цит. по: Сто лет назад. Историческая хроника РАПСИ [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://garpnews.ru/judicial_analyst/20130114/266049575.html

⁸⁹ Как видно, с А.А. Сувориным у Купчинского сложились особые, доверительные отношения еще со времен «Руси». Его же Купчинский в 1917 г. привлечет и к распутинской истории, взяв с собой в Царское Село для перевозки тела Распутина (*Купчинский Ф.П.* Я сжег Григория Распутина. С. 50–51).

⁹⁰ *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М., 2000. С. 176. Возможно, Ф.П. Купчинский не только состоял военным корреспондентом, но и непосредственно участвовал в боевых действиях. По крайней мере, в его личном студенческом деле сохранилось прошение, отправленное им 13 апреля 1915 г. с театра военных действий на имя ректора Петроградского университета с просьбой «выдать удостоверение о моем пребывании в

Университете и метрику, для воен[ной] службы сейчас необходимо» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39370. Л. 24).

⁹¹ Газеты дореволюционной России. 1703 – 1917: каталог. СПб., 2007. С. 259.

⁹² Так, например, в феврале 1917 г. там будет опубликован один из рассказов Ф.П. Купчинского (*Купчинский Ф.П. Полет отчаяния // Солнце России. 1917. 365 (7). С. 5–13*).

⁹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 153.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 70. Копия этого документа имеется также в архивном фонде ПКЧ (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 670. Л. 1).

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 55.

⁹⁶ *Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. С. 216.*

⁹⁷ Там же. С. 531.

⁹⁸ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 81. ЛЛ. 1–16.

⁹⁹ Подобная ссылка (на это же архивное дело) имеется и в вышедшем ранее монографии И.В. Зимина коллективном труде «Главный гараж России». С. 75, 225, в число авторов которого, впрочем, входил И.В. Зимин.

¹⁰⁰ Начиная с этого дня, Ф.П. Купчинский был наделен полномочиями одновременно двумя важнейшими органами власти – ВКГД и Временным правительством. В бумагах Канцелярии министра-председателя сохранилась любопытная адресация (на отношении Г.Е. Львова к Ф.П. Купчинскому от 24 марта с просьбой предоставить 2 машины в распоряжение товарища министра внутренних дел С.Д. Урусова): «Уполномоченному Временного правительства и Государственной думы по бывшему Министерству двора и уделов Купчинскому» (ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 20). Здесь допущена неточность: машинистка забыла добавить к «титуту» Ф.П. Купчинского слова «по делам бывшей Придворной Конюшенной части» (на все МИДв полномочия Купчинского никогда не распространялись). Эта ошибка попала и в научные труды; так, в коллективной монографии, посвященной Гаражу его величества, говорится: «В начале марта 1917 года Адольф Кегресс сдал свое ведомство Купчинскому – уполномоченному Временного правительства и Государственной думы по бывшему Министерству императорского двора и уделов, по совместительству исполняющему обязанности начальника Автобазы, которого Временное правительство так и не смогло до 25 октября утвердить в этой должности» (Главный гараж России. С. 76).

¹⁰¹ Т. е. имеются в виду автомобили Гаража его величества, а также присоединенные к ним («кооптированные») машины – как мы уже вифдели, выданное Ф.П. Купчинскому 2 марта удостоверение от ВКГД предусматривало присоединение к «базе Думы» «незаконно захваченных, легко попорченных и брошенных автомобилей».

¹⁰² ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 55.

¹⁰³ А.А. Гринвальд был уволен («согласно прошению, по болезни») указом Временного правительства от 20 марта 1917 г. (Указы Временного

правительства, данные Правительствующему Сенату // Вестник Временного правительства. 1917. 7 апреля).

¹⁰⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. 65. ЛЛ. 215–217.

¹⁰⁵ См.: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

¹⁰⁶ Отметим, что Ф.П. Купчинский, как мы увидим далее, хотя и стоял в марте 1917 г. во главе всей бывшей ПКЧ, основное внимание уделял бывшему Гаражу его величества, тогда как в записи С.И. Смирновой-Сазоновой речь идет в основном об экипажах. Подобную акцентуацию можно объяснить тем, что собеседник С.И. Смирновой-Сазоновой был кавалеристом и занимался царскими лошадьми, а от автомобильного дела был далек.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. ЛЛ. 56 – 56 об.

¹⁰⁸ Так в тексте.

¹⁰⁹ Ф.А. Головин был назначен комиссаром Временного правительства над бывшим МИДв 8 марта. Подробнее о его деятельности на этом посту см.: Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 160–189.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 55.

¹¹¹ Там же. Л. 30.

¹¹² См. о В.И. Дзюбинском.: Николаев А.Б. Дзюбинский Владимир Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 163–164.

¹¹³ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 680. Л. 4. Отметим, что Ф.А. Головин уже делал попытки привлечь В.И. Дзюбинского к работе в структурах бывшего МИДв. 20 марта от имени комиссара над бывшим МИДв (и за подписью его помощника П.М. Макарова) было отправлено служебное письмо председателю ВКГД М.В. Родзянко, в котором говорилось: «В ведение государственного хозяйства переходят имущества чрезвычайной ценности, для упорядочения которых и охраны необходимо привлечь общественные силы, ввиду чего я нахожу крайне желательным и покорнейше прошу Вас привлечь с своей стороны для этой цели членов Государственной думы: Владимира Ивановича Дзюбинского, Михаила Дмитриевича Калугина и Михаила Ивановича Арефьева, согласием которых я уже заручился». 26 марта последовал ответ М.В. Родзянко – ВКГД «не признал возможным командировать» указанных членов Думы «для участия в работах по передаче государству имуществ, находящихся в заведывании бывшего Министерства императорского двора» (Там же. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 120, 145). Любопытно, что указанные депутаты, за исключением М.И. Арефьева, в итоге все же оказались на руководящих постах в бывшем придворном ведомстве (М.Д. Калугин был назначен комиссаром Придворной капеллы и

Придворного оркестра (Николаев А.Б. Калугин Михаил Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 229–230).

¹¹⁴ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 680. Л. 1.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 53. В отношении к министру-председателю Ф.А. Головин также просил «не отказать сделать распоряжение о сложении с Ф.П. Купчинского данных ему Временным правительством полномочий по заведыванию б[ывшей] Придворной конюшенной части [так в тексте – П.Г.] и б[ывшему] Гаражу его величества и объявить о сем Ф.П. Купчинскому» (Там же). Это было вполне логично, т. к. полномочиями Ф.П. Купчинского наделил не Ф.А. Головин, а правительство и ВКГД. Последнее обстоятельство не ускользнуло от внимания комиссара над бывшим МИДв – в том же отношении к Г.Е. Львову Ф.А. Головин сообщил, что «вместе с сим об этом мною сообщается также Исполнительному комитету Государственной думы» (Там же).

¹¹⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 68–69. Приношу благодарность за данную ссылку А.Б. Николаеву, указавшему мне на нее.

¹¹⁷ В современном исследовании по истории Гаража его величества со ссылкой на материалы ГА РФ сообщается: «В начале апреля тон переписки Исполнительного комитета и Временного правительства меняется. Уполномоченный Временного правительства по бывшему Министерству императорского двора и уделов Купчинский вынужден давать ответы в Исполком по вопросу работы «бывшего Императорского гаража». Отмечалось, что все заявки членов Правительства удовлетворяются в первую очередь. Старший из выбранных от конюхов и шоферов проведен в Совет. Но ввиду большого количества случаев полного игнорирования интересов шоферов многими представителями различных организаций до минимума сокращен отпуск транспортов» (Главный гараж России. С. 77).

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 57. В конце письма Ф.П. Купчинский коснулся и финансового вопроса: «Мною предъявлено через В.И. Дзюбинского желание мое, чтобы понесенный мною труд был оплачен [так в тексте – П.Г.]. Сперва я не поднимал об этом вопроса, но теперь, ввиду нападков и предложения мне уйти без объяснения причин, – настаиваю» (Там же).

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 54.

¹²⁰ Там же. Л. 52. Отношение Г.Е. Львова к Ф.А. Головину датировано 14 апреля и имеет исходящий номер 1057, тогда как цитированное выше отношение к Ф.П. Купчинскому от 15 апреля – исходящий номер 1056. Очевидно, здесь мы имеем дело с оплошностью, допущенной служащими Канцелярии министра-председателя. Второй из упомянутых документов, по видимому, действительно был отправлен Ф.П. Купчинскому 15 числа – по крайней мере, в своем ответе на него, данном 16 апреля, Купчинский упоминает «распоряжение г. министра-председателя от 15 апр[еля] сего года за 1056» (Там же. Л. 69) – если бы он получил это распоряжение 14 апреля

(вряд ли оно могло идти из Мариинского дворца в здание Конюшенного ведомства более суток), то, конечно, он бы так не написал. Это позволяет думать, что и отношение Г.Е. Львова к Ф.А. Головину в реальности было написано и отправлено 15 апреля.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 69.

¹²² Временное правительство, в своем заседании от 15 апреля, рассмотрев представление Ф.А. Головина от 13 апреля «о назначении вознаграждения бывшему уполномоченному Временного правительства по заведованию бывшей Придворной конюшенной частью», а также приложенное к нему заявление Ф.П. Купчинского по этому вопросу (данный документ обнаружить пока не удалось), постановило назначить Ф.П. Купчинскому «за понесенные им полугодовые труды вознаграждение, в размере одной тысячи рублей» (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 680. Л. 2; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного Правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. М., 2001. Т. 1. С. 314). «Сожжение тела Царского Друга было оплачено новыми хозяевами России» – комментирует этот факт С.В. Фомин (*Фомин С.В.* Как они ЕГО жгли. С. 412).

¹²³ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 69.

¹²⁴ Приказы комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора // Вестник Временного правительства. 1917. 13 июня.

¹²⁵ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1966. Т. 2. С. 140.

¹²⁶ В тексте: «пробыв».

¹²⁷ Так в тексте.

¹²⁸ Так в тексте, правильно: «Болин».

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 2–2 об.

¹³⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 135.

¹³¹ *Стариков Н.* 1917. Кто убил Россию. М., 2007. С. 64.

¹³² Периодические издания Дона (1917 – 1919 гг.) [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://werawolw.ru/?page_id=3979

¹³³ 1919 год в кино [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://www.rudata.ru/wiki/1919_год_в_кино

¹³⁴ С.В. Волков, в частности, упоминает об издании (без выходных данных) под редакцией Ф.П. Купчинского брошюры «Организованные расстрелы общественных деятелей в московской Бутырской тюрьме. Из материалов и под редакцией военного корреспондента Ф. Купчинского» (*Волков С.В.* Комментарии // Соппротивление большевизму 1917 – 1918 гг. / Сост., научн. ред., предисл. и коммент. д. и. н. С.В. Волкова. М., 2001. С. 598).

¹³⁵ *Фомин С.В.* Как они ЕГО жгли. С. 360.

¹³⁶ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917 – 1991 гг. / Науч. рук., ред. и введ. А.Г. Тартаковского [и др.]. Т. 1–4. М., 2003–2006; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. Чуваков В.Н.